

Вечером, после долгих обсуждений, я неторопливо ехал на велосипеде среди полей, залитых оранжевым закатом, и слушал Сатоши.

- Честно говоря, я очень удивлен, Хотаро. Если то, что ты сказал, правда, то настоящий Фестиваль Канья существует благодаря одному ученику. И я очень удивлен, что ты это понял.

- Ты сомневаешься в моих способностях?

Я спросил шутливо, но в этот раз Сатоши не улыбнулся и ответил:

- Ты разгадывал все загадки с тех пор, как мы поступили в школу Ками. Когда мы впервые познакомились с Читандой-сан, когда мы раскрыли тайну книги, которую никто не читает, когда ты узнал секрет президента клуба Стендгазеты.

- Это произошло случайно.

- Результат говорит, что это не имеет значения. Но вопрос в том, почему такой как ты, беспокоишься и решаешь все эти загадки? Ответ прост - ты делаешь это ради Читанды-сан.

Я повернул голову и задался вопросом, правда ли это.

"Делаю это ради Читанды" не совсем верное замечание. Я бы согласился, если бы причина была сформулирована так: "Во всем виновата Читанда". Я помню, что Сатоши говорил что-то похожее, что я бы не стал ничего делать, если бы кто-то не попросил меня об этом. Хотя она не просила меня напрямую, это правда, что я делал это из-за ее беспокойства...

- Сегодня все по-другому.

Да, сегодня все по-другому.

- Ты можешь быть хорошо и в привлечении внимания и в себе, понимаешь? Сегодня мы должны были поделить работу поровну, на четверых. Ты мог бы просто уйти, сказав, что ничего не нашел, и тебе бы ничего не сказали. Но зачем ты все же пытался найти ответ, когда ушел в туалет?

Солнце продолжало садиться, я чувствовал ветер. Я отвернулся от взгляда Сатоши и посмотрел вперед.

- Разве не потому, что ты делаешь это для Читанды-сан?

Его вопрос был вполне правильным. В обычном случае я не пытался разгадать эту тайну. Сегодня я был очень активен.

Да... Похоже, что так оно и есть.

Почему я поступил так сегодня? Думаю, я более-менее понял причину, и она не относится к Читанде. Но заставить понять это другого человека гораздо сложнее. Я был не в состоянии передать свои мысли Сатоши, даже если бы был телепатом.

Нет, скорее из-за того, что я долго знаю Сатоши, объяснение становится трудной задачей. Потому что мои действия сегодня были не такими, как обычно.

Но я не обязан объясняться перед ним, это не имеет к нему никакого отношения. И все же я захотел ответить Сатоши, чтобы также и собрать свои мысли воедино. Поэтому, после долгого

молчания, я подобрал нужные слова:

- ... Наверное... Я просто устал от серой жизни.

?

- С тех пор, как я встретил Читанду, мой уровень сбережения сил упал ниже некуда. Как президент клуба, она делала антологию, сдавала экзамены и искала ответы на вопросы из прошлого. Это довольно утомительно для меня. Ты и Ибара - одинаковые. Вы тратите силы не всевозможные бесполезные дела.

- Ну... Я думаю...

- Но знаешь, иногда мне кажется, что трава зеленее по ту сторону забора.

Я перестал говорить, чтобы получше сформулировать свою мысль. Но не смог придумать ничего лучше и продолжил:

- Всякий раз, когда я смотрю на вас, я не могу заставить себя успокоиться. Я хочу сохранять спокойствие, но не вижу в этом ничего интересного.

...

- Так что я хотел "разгадать загадку", как ты сказал. Я хотел прочувствовать ваш образ жизни.

После этого я закрыл рот. Среди звуков педалей и ветра и слышал молчание Сатоши. Обычно он разговорчив, но временами он ничего не мог сказать. Я с вниманием относился к этим моментам, потому что хотел, чтобы он что-нибудь сказал. Я больше не в силах терпеть эту тишину:

- Ну, скажи же что-нибудь.

- Я чувствовал улыбку Сатоши, хотя даже не видел его лица. Он заговорил:

- Я думаю...

- Хм?

- Я думаю, что действительно завидуешь тем, у которых жизнь в розовом цвете.

Я не раздумывая ответил:

- Может быть.

Я уставился на как обычно белый потолок в своей комнате.

Я размышлял над словами Сатоши.

Даже мне нравилось слушать забавные вещи, в том числе глупые шутки и популярную музыку. Хотя я и крутился вокруг Читанды, это был хороший способ убить время.

Но вдруг я стану одержим всем этим? Стало бы мне интереснее? Даже несмотря на то, что это вредно для моего сбережения сил?

Например, преследование Читандой своего прошлого.

И что важнее, как "Герой" Секитани Джун, судя по моим выводам, 33 года назад защитил Фестиваль Канья?

Мое зрение не могла ни на чем сосредоточиться. Я не мог сохранять спокойствие. Мой взгляд переместился на пол, на котором я лежал, и я увидел письмо от сестры.

Я обратил внимание на одну из строк письма.

"Я уверена, что даже спустя десять лет, я буду вспоминать эти дни без сожаления".

Десять лет спустя для меня - туманное будущее. Мне тогда будет 25. Я представил себя в будущем. Буду ли я смотреть тогда в прошлое и думать о том, что я мог бы сделать? Возможно, Секитани Джун в свои 25 тоже оглядывался на себя в 15 с некоторым сожалением.

Я...

Внезапно зазвонил телефон.

Это не значит, что я никогда не слышал его раньше. Просто я так погрузился в мысли, что он показался мне очень внезапным. Я оставил свое беспокойство позади, поднялся с пола и отправился вниз, чтобы ответить на звонок.

- Здравствуйте, это Ореки.

- Ха? Хотаро?

Я почувствовал, как мою спину покалывает от нервозности. Это был знакомый голос человека, способного втянуть меня в любые неприятности. Это была Ореки Томозэ, что пряталась сейчас в японском консульстве где-то в Западной Азии. Поскольку это был международный звонок, то были помехи. Но это точно была она.

Без сомнения, я дал честный ответ голосу, что так давно не слышал.

- Значит, ты еще жива?

- Как грубо! Ты думаешь, что меня смогут убить парочка бандитов?

Такое действительно было? Хотя, меня это не удивляет.

Видимо моя сестра вспомнила, как дорого будет стоить этот звонок, и быстро заговорила:

- Я приехала в Приштину вчера. Это в Югославии. С финансами и здоровьем у меня все хорошо. Я напишу вам письмо, как только доберусь до Сараево. Если я не буду торопиться, то доберусь до туда в течение двух недель. У меня все. Как у вас дела?

Моя сестра была счастлива, как и обычно. Иногда она очень эмоциональна и может внезапно рассердиться или расплакаться, будто завтра не наступит. Еще она может чересчур счастливой, но зачастую она просто счастлива.

Я щелкнул пальцем по телефонному шнуру и ответил:

- Ничего необычного на Дальневосточном фронте.

- Ясно... Тогда...

Моя сестра явно собиралась повесить трубку. Я бы не возражал этому, но все же продолжил говорить:

- Мы опубликуем антологию "Хъека".

- А?... Что?

- Мы узнали про Секитани Джуна.

Моя сестра продолжила быстро:

- Секитани Джун? Какая ностальгия. Никогда бы не подумала, что это история еще вспомнится. "Фестиваль Канья" все еще табу?

Я не понял, что она имела в виду.

- О чем ты?

- Это трагедия. Не нравится мне это.

Табу? Трагедия? Не нравится?

О чем она говорит? Что пытается сказать?

- Подожди минутку, мы же говорим о Секитани Джуне, правильно?

- Конечно. "Добрый герой". Ты ведь понял, не так ли?

Это был бессмысленный разговор. Несмотря на то, что мы говорим об одном, мы будто вещаем на разных частотах.

Что касается причины, я понял, что мог ошибиться. Возможно, мой вывод, что я предоставил Читанде и остальным, неверен в некоторых деталях. Тем не менее я не был нетерпеливым, хотя моя сестра знала, что произошло 33 года назад.

- Сестренка, что ты знаешь о Секитани Джуне?

Я решил спросить ее напрямую.

И все что я получил, был простой ответ:

- У меня нет на это времени! Пока!

Клик. Бип. Бип.

Я убрал трубку от своего уха и посмотрел на нее, как на идиота.

...

... Почему так...

"Глупая сестра!"

Я повесил трубку так, что она задрожала от шума. Теперь мое раздражение удвоилось, благодаря сестре.

Я не помню, что именно сказала мне сестра, потому что разговор был очень быстрым. Тем не менее, ее ответ по поводу инцидента остался свеж в моей голове.

Я вернулся свою комнату и вытащил из сумки все, что Клуб Классики собрал по поводу инцидента. "Хьека", "Единство и Восхваления", "Старшая Камияма: вместе через 50 лет"... Я также поместил письмо сестры рядом с остальными и снова прочитал некоторые, что привлекли мое внимание.

Я уверен, что спустя десять лет буду смотреть на себя без сожаления.

Через десять лет значит? Если Секитани Джун был еще жив, то ему было бы около 50. Он бы до сих пор без сожаления оглядывался на свою школьную жизнь?

Думаю, что так и было бы. "Герой", что пожертвовал собой ради страсти своих товарищей и был отчислен не пожалеет о таком решении. С момента нашей встречи в доме Читанды, я так и думал.

Но действительно ли это правда?

Это был лишь Культурный Фестиваль, но он привел к тому, что школа изменила жизнь Секитани Джуна. Если жизнь в старшей школе является розовой, то можно ли назвать такую разорванную жизнь розовой?

Серая часть моей жизни сказала, что нет. Пожертвовать собой, чтобы были прощены товарищи... Выдержал бы "Герой" что-то подобное? И то что моя сестра назвала это событие "трагедией" не выходило у меня из головы.

Мне нужно все еще раз пересмотреть. Я вытащил все копии, сохраненные после собрания Клуба Классики.

Я спросил себя, была ли жизнь Секитани Джуна 33 года назад действительно розовой?

На следующий день я пошел в школу, одетый в повседневную одежду. Чтобы кое-что подтвердить, я позвонил Читанде, Ибаре и Сатоши. Я сказал им: "Есть некоторые вещи, которыми я должен дополнить свой вчерашний доклад. Я буду ждать в кабинете Геологии".

Они все пришли. Ибара вероятно относилась ко мне с сарказмом, Сатоши же с удивлением улыбался мне, замечая мое отклонение от моего обычного поведения. Что касается Читанды... Она заговорила, увидев меня:

- Ореки-сан, я чувствую, что есть что-то еще, что мне нужно знать.

Я чувствовал тоже самое. Я кивнул и положил руку ей на плечо:

- Все в порядке. Думаю, что сегодня мы в этом разберемся. Просто подожди еще немного.

- Что ты имеешь ввиду, что тебе есть что добавить к твоему докладу, Ореки?

- Нужно сделать последний шаг и завершить то, что еще не закончено.

- Я не понимаю. Ты хочешь сказать, что мы неправильно сделали вывод?

- Просто выслушайте меня.

Когда я достал свои записи и не стал их никому показывать.

- "Хьека" должна была быть написана как нечто более важное. Они не предназначались для того, чтобы запечатлеть жизнь Секитани Джуна или сделать это героической историей, как это говорится в предисловии.

Это была та часть, что освещал Сатоши. Как и ожидалось, он заговорил:

- Разве это не та часть, что мы уже обсуждали?

- До, но, возможно, мы кое-что упустили.

- О чем ты?

- Этот отрывок. "Жертвой конфликта стала улыбка Семпая, что будет затеряна во времени". "Жертва" здесь означает не добровольную сдачу, а, скорее, "жертвоприношение".

Ибара нахмурилась:

- Но почему они тогда не использовали "жертвоприношение"?

"Жертвоприношение"... Но мне не пришлось объяснять, потому что вмешалась Читанда:

- "Жертва" тоже может быть невольной. Раньше так это слово и использовали.

Как и ожидалось от отличницы. А я уже собрался доставать словарь.

Сатоши вздохнул:

- Я понимаю, что ты хочешь сказать, но разве это не очевидно? Кроме того, мы не узнаем наверняка, пока не спросим самого автора.

Именно, ведь разница была не только в лингвистике. Поскольку язык никогда не был настолько точен, как математика, естественно, что слово может иметь несколько значений.

Тем не менее, у нас был выход из этой ситуации. Я уверенно кивнул и сказал:

- Тогда мы просто должны спросить автора.

- И кто это?

- Тот, кто написал предисловие конечно. Корияма Юко-сан была учеником первогодкой 33 года назад. Сейчас ей должно быть 48 или 49.

Глаза Читанды расширились:

- Так ты нашел ее?

Я резко покачал головой:

- Нет необходимости. Потому что она очень близко.

Ибара подняла голову. Как я и ожидал, она поняла первой:

- Я поняла!

- Да, это так.

- О чем вы?

- Объясните!

Ибара посмотрела на меня. Я кивнул ей головой, разрешив все объяснить.

- Это Итоикава-сэнсей - главный библиотекарь. Ее девичья фамилия - Корияма. Я права?

Так как Ибара сама была библиотекарем, она знала полное имя Итоикавы и быстро поняла меня.

- Точно. Если вы просто слышали имя "Ибара Сатоши", не зная написания, то у вас не возможности понять, взял ли Сатоши имя Ибары. Но мы знаем, что имя Итоикавы пишется как "Юко", а также ее возраст совпадает, то выяснение ее девичьей фамилии становится элементарным делом.

Ибара скрестила руки и начала выплескивать свой циничный сарказм:

- Ты реально чудной. Даже я не смогла этого понять, хотя часто общаюсь с сэнсеем. Может, тебе стоит попросить Чи-тян залезть тебе в голову?

Как я уже говорил, мне повезло со вспышкой вдохновения. И я также не хочу, чтобы меня лоботомировала Читанда.

Тем временем, лицо Читанды все больше покрывалось краской:

- Тогда, если мы спросим Итоикаву-сэнсея...

- Тогда мы узнаем, что случилось 33 года назад. Почему это была не героическая история, почему обложка была оформлена именно так, почему антология называется "Хъека". Мы получим все ответы, касающиеся твоего дяди.

- Но есть ли у вас все основания полагать, что это именно Итоикава-сэнсей? Будет неловко, если окажется, что это не она.

Мы не ошиблись. Я взглянул на свои наручные часы и посчитал, что пришло время.

- Я в это убедился и узнал, что она была президентом клуба на втором году обучения. Я договорился встретиться с ней и поговорить. Сейчас самое время, идем в библиотеку.

Когда я стоял у выхода, то услышал, как Ибара пробормотала:

- Ты у нас полон энтузиазма.

Полагаю, что так и есть.

Во время каникул в библиотеки опускаются жалюзи, чтобы защитить книги от воздействия солнечного света. Но помещение все равно было заполнено ученикам, что готовились к Фестивалю Канья или вступительным экзаменам в университет. Мы увидели Итоикаву, пищащую что-то за столом библиотекаря. Она была в очках, которые мы не видели в прошлый

раз. У нее была маленькая фигура, на лице были видны морщины, что доказывает, что прошел 31 год с тех пор, как она закончила школу.

- Итоикава-сэнсей.

Она повернулась, увидела нас и улыбнулась:

- Ах, Клуб Классики.

Она осмотрела библиотеку и сказала:

- Тут немного тесновато, пойдете в мой кабинет.

И мы зашли в кабинет за столом библиотекаря.

Кабинет был уютным, достаточно большим для работы одного человека, но кондиционер был здесь значительно меньше. Сэнсей опустила жалюзи и показала нам сесть на диван. Мягкий аромат шел от единственного цветка, что стоял на столе.

Хотя диван и казался большим, мы не смогли уместиться на нем вчетвером. Поэтому Итоикава достала раскладной стул. И почему на нем оказался именно я? Итоикава села за свой стол, положила на него локти, повернулась лицом к нам и сказала:

- О чем вы хотите со мной поговорить?

Она спросила вежливо. Она спрашивала всех нас, но было ясно, что мне придется отвечать от лица всего Клуба Классики. Я поборол желание скрестить ноги и руки и вежливо ответил:

- Да, есть кое-что, что мы хотим у вас спросить. Но сперва мы хотели подтвердить одну деталь. Ваша девичья фамилия - Корияма?

Она кивнула.

- Тогда выходит, что это было написано вами?

Я вытащил копию из кармана и передал ей. Итоикава пробежалась взглядом по листку и легко улыбнулась:

- Да, это я. Удивлена, что это еще где-то сохранилось.

Потом, кажется, она посмотрела на меня:

- Думаю, я знаю, что вы хотели со мной обсудить. Раз вы спросили мою девичью фамилию, то у меня появилась идея... Вы хотите узнать об инциденте 33 года назад?

Бинг. Она знает.

Однако, несмотря на ожидание, показанного на наших лицах, Итоикава просто вздохнула:

- Но почему вы спрашиваете об этом сейчас? Лучше было бы забыть эту историю.

- Ну, это благодаря звериному любопытству Читанды мы здесь. Иначе бы я даже не узнал про это происшествие.

- Звериному?

- Извини, я имел в виду "сильному любопытству".

Итоикава и Сатоши улыбнулись, Ибара же раздраженно посмотрела на меня. Читанда мягко выражала протест, но я просто проигнорировал это. Итоикава обратилась к Читанде:

- И почему тебя так интересовало это событие?

Я заметил, что Читанда сжала кулаки у себя на коленях. Вероятно, она нервничала.

- Секитани Джун был моим дядей.

Итоикава вздохнула от удивления.

- Понятно... Секитани Джун... Такая ностальгия. Как он поживает?

- Я не знаю. Его объявили пропавшим без вести в Индии.

Итоикава снова вздохнула: "Ох...". Но будто эта новость не сильно удивила ее. За 50 лет жизни тебя уже мало что удивит, не так ли?

- Ясно. Я всегда хотела встретиться с ним снова.

- Я тоже... Хотела бы увидеть его еще раз.

Секитани Джун был тем человеком, с которым хочется встретиться еще раз? Я не мог об этом не задуматься, может и мне стоило бы с ним встретиться.

Читанду переполняли эмоции и она медленно заговорила:

- Итоикава-сэнсей, пожалуйста, скажите, что именно случилось 33 года назад? Почему инцидент, в котором был мой дядя, нельзя назвать героическим? Почему антология Клуба Классики называется "Хъека"? Верны ли выводы Ореки-сана?

- Выводы?

Итоикава спросила у меня:

- Что ты думаешь об этом?

Сатоши ответил за меня:

- Сэнсей, Ореки смог выяснить, что произошло 33 года назад, используя скудную информацию, что нам удалось собрать. Вам стоит послушать его.

Похоже, мне придется повторить, что я сказал вчера. Хотя я и был уверен в своих мыслях, но мог и где-то ошибиться. Я облизал свои губы и начал объяснение, построенное по тому же методу 5W1H, что и вчера:

- Во-первых, главной герой инцидента...

- ... И так мы пришли к тому, что исключение произошло в Октябре.

Как только я закончил, то удивился тому, насколько хорошо у меня вышло изложить свои

мысли. Я не обращался ни к каким записям, а время пролетело весьма быстро.

Все время, пока я говорил, Итоикава молчала. Она заговорила с Ибарой, как только я закончил:

- Ибара-сан, у вас есть записи, о которых вы говорите?

- Нет...

- Я взял их.

Сатоши открыл свою сумку и достал кипу бумаг и передал ее Итоикаве. Она быстро взглянула на них и подняла взгляд:

- Тебе удалось прийти к такому выводу, основываясь только на этом?

Читанда кивнула:

- Да, Ореки-сан сделал это.

Это не совсем так...

- Я просто объединил все наши теории, вот и все.

- До сих пор...

Вздых. Итоикава снова вздохнула, положила бумаги на стол и скрестила ноги:

- Я поражена.

- Что-то не так?

Ибара спросила Итоикаву, но та покачала головой:

- Нет, все так, как сказал Ореки-кун. Все правда. Так странно, будто ты стоял рядом со мной, когда все это происходило.

Я выдохнул.

Я действительно почувствовал облегчение от того, что все оказалось верным.

- Что ты хочешь еще у меня спросить? Я даже могу обеспечить вас проходными баллами, если мои ответы совпадут с твоими догадками.

- Ну, не знаю насчет меня, но Хотаро думал, что чего-то не хватает.

Да, чего-то точно не хватает.

Я хотел спросить: оставалась ли школьная жизнь Секитани Джуна розовой после всего? Но сформулировал свой вопрос по-другому:

- Хотел ли Секитани Джун стать щитом для всех учеников школы?

Мягкое выражение лица Итоикавы внезапно ушло. Она посмотрела на меня.

...

И она продолжила молча смотреть на меня.

Я ждал, пока она заговорит, как и Читанда, Ибара и Сатоши. Видимо, им тоже был интересен ответ на мой вопрос.

Тишина продержалась недолго. Итоикава открыла рот, будто что-то прошептав, и укоризненно сказала:

- Ты действительно видишь все насквозь... Я расскажу вам. Думаю, что лучше начать с самого начала. Хотя это и было очень давно, но воспоминания очень свежи.

И, некогда бывшая Куриямой Юко, начала свой рассказ о "Июньской борьбе" 33 года назад.

- Сейчас Культурный Фестиваль такой же активный, но все же отношение к нему стало проще. Тогда все считали Культурный Фестиваль важной целью в своей жизни. Это было время, когда отбрасывали старое и встречали новое, а некоторые говорили, что именно от этой переполненной энергии и появился Культурный Фестиваль Старшей Камиямы.

- Прямо перед тем, как я поступила в эту школу, было ощущение, что сейчас вспыхнет бунт. Ничего хорошего обычно не происходит, когда все выходит из под контроля, верно? Тем не менее, в сравнении с насилием в других школах, в нашей все проходило довольно порядочно. Хотя для учителей все расно это было неприемлемо.

Воспоминания, что я слышал, касались японской современной истории. Я думаю, что ни эти люди, переполненные энергией тогда, ни те, что рождены в то время, да и я, не могли бы представить себе существование другой группы.

- В апреле того года директор внезапно разгорячился во время своей речи на собрании. Я думаю, что его слова есть в ваших записях... "Мы не должны позволить себе быть самодовольными и превратиться в обычную школу". Сейчас в этих словах ничего такого, но тогда они казались посланием о том, что Культурный Фестиваль под угрозой.

- Когда объявили расписание фестиваля, произошел большой скандал. Обычное пятидневное расписание было сокращено до двух, они были перенесены с будней на выходные, будто вычеркивая их из учебного календаря. Всем казалось, будто их окатили холодной водой, а решение было тяжело принять за действительное.

- После этого атмосфера в школе еще больше ухудшилось. Что-то назревало.

- Сначала на досках объявлений стали появляться некультурные выражения. Потом были публичные выступления, где любой мог выйти на сцену, сказать все что угодно и получить за это страстные аплодисменты. Затем все стало серьезнее, когда было предложено объединить силы школьных клубов.

- Но несмотря на все это, казалось, что никто не был готов перейти к серьезным мерам. Для этого нужно было быть готовым принять удар и его последствия. Многие были смелыми в своих разговорах, но никто не вызвался стать лидером сопротивления.

Итоикава двинулась, что вызвало скрип ее кресла, затем она продолжила:

- Было решено выбрать лидера методом жеребьевки, где Секитани Джун вытащил короткую

спичку. Фактически, большая часть протестов была сделана другими людьми, но из имени никогда не будут раскрыты.

- Сопротивление набирало обороты, и в конце концов привело к тому, что школа отказалась от своих планов по сокращению фестиваля. Как написано в ваших записях, фестиваль прошел как обычно.

Она рассказала все без эмоций, но я почувствовал атмосферу тех дней. Будь то страсть сопротивления или трусость организаторов, все это уже давно в прошлом. Итоикава продолжила:

- Но мы перестарались. Я сама принимала участия в бойкотах. Все были на улице и выкрикивали лозунги. Строительство костра принесло чувство кульминации. И однажды это случилось.

- Пламя вышло из под контроля. Я не знаю, сделал ли кто-то это специально, но Додзё загорелось. Огонь потушили, но Додзё было сильно повреждено водой.

Лица Читанды и Ибары застыли, как, наверное, и мое. Даже для нас это звучало плохо, потому что ущерб школьной собственности нельзя было игнорировать.

- Такое не может быть упущено из виду. Школа не захотела усугублять ситуацию и не стала привлекать полицию. Никто не мог возразить против того, что школа должна найти ответственного после Культурного Фестиваля. Но все говорили, что ничего не знают.

- В конечном счете вину на себя взял Секитани Джун, выбранный лидер сопротивления. Но никто не знал причину поджога, и был ли это поджог умышленный.

- Тогда было намного проще исключить ученика. К его чести, Секитани Джун до конца сохранял спокойствие. Но ваш вопрос был в том, хотел ли он защитить остальных от проблем, так ведь?

Итоикава просто улыбнулась и посмотрела на меня:

- Я думаю, что ты уже сам знаешь ответ.

Итоикава закончила свой долгий рассказ и встала, чтобы налить себе налить горячей воды.

Мы ничего не сказали. Мы не могли ничего сказать. Я видел, как слабо шевелятся губы Читанды, будто бормоча "как ужасно" или "как жестоко".

- Это все, что я могу рассказать. Есть еще что-то, о чем вы хотите спросить?

Итоикава вернулась на свое кресло и сказала это своим обычным тоном. Для нее это была всего-лишь история из прошлого.

Наконец, Ибара нарушила тишину и сказала: "Тогда я хотела бы спросить об иллюстрации на обложке, которая была нарисована в то время".

Итоикава молча кивнула.

Я вспомнил обложку "Хъеки", на которой заяц и собака гнались друг за другом в окружении других зайцев. Вероятно, собака олицетворяла учителей, а зайцы - студентов. А зайцем по центру был, вероятно, Секитани Джун.

Итоикава такой же ответ, что и пришел мне в голову. Я просил ее:

- Из всех зданий на территории школы, Додзё - самое старое. Оно было восстановлено?

Я заметил это, когда Читанда показывала его мне еще в апреле. Но тогда я об этом не задумывался.

- Да, верно. Здания школ редко ремонтируются, если только они не достигают своего срока. Десять лет назад были отремонтированы все здания, и только Додзё остается нетронутым, потому что оно ремонтировалось само по себе.

Затем Сатоши сказал:

- Сэнсей, я заметил, что вы не называли фестиваль "Фестиваль Канья".

Итоикава все меньше и меньше улыбалась:

- Почему ты спрашиваешь? Неужели ты сам не догадался?

?

Фестиваль Канья.

Понятно. Помню, моя сестра говорила, что на это выражение в Клубе Классике наложено табу. Хотя и поздно, теперь я понял.

Это потому, что Секитани Джун не хотел быть героем? Вот почему вы не говорите "Фестиваль Канья",

- Фуку-чан, что он имеет в виду?

Хотя Сатоши и улыбнулся, на этот раз его улыбка выглядела необычно:

- "Канья - не аббревиатура "Камияма", а альтернативное произношение кандзи "Секитани". Мне удалось выяснить это некоторое время назад. Это альтернативное название для фестиваля, чтобы таким образом обмануть учителей и почтить своего героя.

Тут Читанда спросила:

-Сэнсей, знаете ли вы, почему дядя использовал название "Хьека" для антологии?

Однако, Итоикава мягко покачала головой:

- Это название, вероятно, было придумано им в том время, когда его собирались изгнать. Он сказал, что не мог сделать это в своем состоянии в то время. В остальном, я сама не знаю, что оно значит.

Она не знает?

Она правда не знает? И Читанда, Ибара, Сатоши тоже?

Я редко злюсь, но это меня раздражает. Сейчас все, что я чувствую - раздражение. Потому что никто не понимает, что оставил после себя Секитани Джун. Меня раздражает, что никто не смог понять такое банальное послание.

Я неосознанно начал говорить:

- Вы что, не поняли? Вы вообще слушали? Это всего-лишь глупый каламбур.

- Хотаро?

- Секитани Джун хотел передать послание нам, потомкам Клуба Классики, и он поместил его в заголовок антологии. Читанда, ты ведь хорошо знаешь английский?

Читанда взволнованно подскочила:

- Эх? Английский?

- Да. Это секретное сообщение... Нет, скорее это игра слов.

Итоикава не никак не реагировала, глядя на нас. Мне интересно, может ли она понять? Нет, она должна это сделать. Но по какой-то причине она ничего не говорит. Я попробовал поставить себя на ее место. Может, об этом нельзя говорить вслух? Может быть, это тоже одна из традиций Клуба Классики?

- Что ты понял, Ореки-сан?

- Ореки, хватит водить нас за нос. Ты правда что-то понял?

- Скажи уже, Ореки.

Сколько раз они давили на меня, чтобы получить ответ? Я вздохнул, готовый дать объяснение. Сейчас я понимал, что это не имеет никакого отношения к удаче или вспышке вдохновения. Мне просто хотелось передать сожаления Секитани Джуна, выраженные этой игрой слов.

Я спросил:

- Что значит "Хъека"?

Читанда ответила:

- Это название антологии Клуба Классики.

- Я спрашиваю о значении самого слова.

Сатоши попробовал ответить:

- Это японское слово, означает "лед", так ведь? Значит, "ледяная конфета"...

- Скорее "мороженое" (ice cream).

Ибара спросила:

- Мороженое? Что это значит?

- Попробуй переставить буквы.

Черт возьми, почему мне всегда приходится все объяснять? Хотя бы раз попытайтесь понять то, что я говорю!

- "Мороженое" (ice cream) само себе здесь ничего не значит. Вот почему я говорю, что это скорее игра слов.

Выражение лица Сатоши говорило: "Я не знаю", после чего он вдруг побледнел, будто из него высосали всю кровь. Следующей была Ибара: "А, это!", сказала она с раздражением.

Но Читанда так и не поняла. Будучи отличницей, она должна хорошо понимать английский. Однако, не похоже, что она полностью усвоила его правила. Я не был в настроении дразнить ее дальше.

Я взял копию "Хъеки" и написал не ней шариковой ручкой, что я принес с собой.

- Это сообщение, что оставил твой дядя.

Читанда кивнула, но все еще была в недоумении.

Когда она наконец поняла, то ее глаза мгновенно расширилась. Она охнула и замолчала.

Все смотрели на нее.

Глаза Читанды стали мокрыми. Именно тогда я понял, что ее месяцы поисков увенчались успехом.

- Я вспомнила... Теперь я вспомнила. Тогда я спросила своего дядю, почему антология называется "Хъека". Он сказал мне... И сказали мне быть сильной.

- Это было послание для меня - всякий раз в моей жизни, когда я слаба или когда время давит на меня, когда я не могу кричать (I could not scream)...

Она посмотрела на меня:

- Ореки-сан, теперь я вспомнила. Я плакала потому, что боялась жить, будучи мертвой внутри... Слава богу, теперь я могу проводить своего дядю как следует...

На ее лице появилась улыбка. Заметив, что в ее глазах появились слезы, она вытерла из руками. Затем она еще раз посмотрела на то, что я написал. Истинное значение названия антологии гласило:

Я кричу (I scream).

<http://tl.rulate.ru/book/43487/1283507>